

Литературный Сатирический и Юмористический Журналъ

КОЛОТУШКА

№ 3

[1911]

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

Цена 3 коп.

Подписная цена: за 1 годъ 3 руб. за шесть месяцевъ 1 руб. на три месяца 60 коп.

Плата за объявленія: впереди текста 40 коп. текстъ текста 20 коп. за строку текста.

Контора и редакция: г. Тверь. За Тверью Сергиевская улица, д. Никольской.

Контора приема объявлений съ 12 до 5 час. Редакция для приема объявлений съ 12 до 2 час.

Рукописи, должны быть написаны четко, на одной стороне листа, сдвоенные подинею и сдвоенны сверху и могутъ быть по-прежнему на уменьшенномъ разлѣзѣ, а приложенны быть обязательно уложенъ поперекъ страницы сдвоенными. Обратно рукописи не будутъ возвращены на раздѣлѣніе.

Завтрашняя колотушка.

Въ полночь въ мастерской.

Пробило двѣнадцать, пѣтухи провѣли.
Тускло свѣтятъ лампы. Стекла заоконѣли...
Время-бы ложиться отдохнуть, уснуть,
Ломить поясницу, жветь и шемить грудь!..
Да хозяинъ строгій не велѣлъ намъ спать.
Приказалъ работу къ утру ему сдать...
Молча мы трудимся, слышнень только стѣлъ,
Валютея у многихъ молотки изъ рукъ...
Пѣсней бы веселой снушку разогнать,
Чтобы не дремалось, не хотѣлось спать.
Да за тонкой стѣнкой, съ женой молотокъ,
Спать хозяинъ строгій, — любить съ
 какой,
Любить, чтобы тихо было у него.
Чтобы не тревожить сладкій сонъ его.
За окнами вѣтеръ стонетъ и шумитъ,
Больно ноетъ сердце, сонъ сильный
 блещетъ...
Лишь нужда злодѣйка шепчетъ покорись!..
Меньше пей и думай — и трудись, трудись!..

Петръ Вайцманъ.

Любить домъ и деревню свою
И за снѣжной поволокой жить.
Хоть видѣ лица совѣтъ поварихи.
Но жениховъ, — отбою нѣтъ.
Возьмутъ хоть дьявола съ рогами.
Лишь былъ-бы золота мѣшокъ —
Бракъ былъ разсѣянъ, пустотамъ.
Сидишь одна, вѣдьма женщина.

Сонъ авіатора.

И видѣлъ сонъ:—толпа людей,
Въ толпѣ рукоплесканье;
Сегодня я у ней герой,—
Сегодня состязанье!

Летѣть готовъ аэропланъ...
Сожусь я и рукою
Верусь за руль,—взлетаю я
Надъ шумною толпою.

Вотъ близко мчатся облака...
Я внизъ устави́лъ взоры:—
Какъ точка черная—лѣса,
Какъ лужица—озера.—

Я все лечу, лечу стрѣлой:—
Куда лечу—не знаю!
И на пространствѣ голубомъ
Пернатыхъ птицъ ветрѣчаю.

Прилетомъ тѣ удивлены,
Глядятъ: какая птица?
А я все выше ихъ лечу...—
Вотъ ужъ близка зарница.

И я почти, на небесахъ
Но... диво!...—замерзаю.
Моторъ недѣйствуетъ ни какъ!
И... съ неба упадаю...

О ужасъ!... и... проснулся я
Холодный потъ струился...
На аэропланъ ужъ на яву
Я больше не садился!

Ив. Епифановъ.

П и р у ш к а.

(Рассказъ).

Шелъ четвертый день Рождества Христова.
Туфельщикъ Никита Павловъ Пучихинъ съ женою
и два подмастерья—Чугуновъ и Ванька Хромой сидѣли
безъ дѣла и безъ денегъ.

По пустотѣ своихъ кармановъ такое положеніе переживалъ и я.

Купленная къ празднику provisия была съѣдена, водка выпита, а оставшіяся деньги потрачены на необходимые и непредвиденные расходы.

И поэтому все были въ скверномъ расположеніи духа.

Никита Павловъ сердито ворчалъ на свою жену, упрекая ее въ расточительности, благодаря которой они очутились въ такомъ скверномъ положеніи.

Аксинья защищалась, и въ свою очередь набрасывалась на мужа и раздѣлывала его на все корки.

Чугуновъ, какъ самый старшій изъ насъ, взялъ на

себя роль посредника и судьи между супругами и къ чести его провелъ ее очень исправно: перебранка хотя и продолжалась, но дѣло до драки не доходило.

Ванька Хромой цѣлый день валялся на печкѣ, шуршалъ свои маленькіе стегавшіеся глазки, плевался и мечталъ въ слухъ.

— Эхъ! Кабы таперъ шапку-невидимку, да кошелекъ-самоотрясъ, и хорошо-бы было!—Захлебываясь отъ удовольствія быть обладателемъ такихъ вещей, говорилъ онъ.

— Потрясъ его кошелекъ, а изъ него и золотыя и серебряныя, такъ и сыплются... бери Ванька Хромой, загребай деньгу, да пьянствуй!.. Чичасъ это двѣ четвертныхъ водки, на эти самыя деньги, а на закуску селедокъ галанскихъ, да огурцовъ... вотъ рай-то... гуляй душа на распахну!.. А потомъ надѣлъ-бы шапку-невидимку и не видать меня-бы стало, и чичасъ это первымъ маневромъ къ Машкѣ рябой... ужъ я задалъ-бы ей перцу, какъ къ Мишкѣ Кувалдѣ ходитъ, стала-бы она помнить Ваньку Храмова.

При одномъ воспоминаніи о Машкѣ рябой и Мишкѣ Кувалдѣ, онъ перевертывался на другой бокъ и дѣлалъ перерывъ своимъ несбыточнымъ мечтаніямъ, но черезъ нѣсколько минутъ ревнивое чувство утихло, и онъ принимался опять за то же.

— Взошелъ это въ магазинъ, никто-бы меня и не замѣтилъ въ шапкѣ-невидимкѣ, хочешь конфетъ, хочешь яблоковъ съ лимонами, чего хочешь то и бери... не жите, а малина!—радовался онъ, воображая себя въ шапкѣ-невидимкѣ.

— Накладъ-бы это во все карманы гостинцевъ, и маршъ къ Машкѣ, на, молъ, жри рябой чертъ! да чувствуй! не хуже я Мишки Кувалды, даромъ, что храмой.

Я цѣлый день перекладывалъ съ мѣста на мѣсто свои книги, выбирая изъ нихъ которыя поцѣнишь, чтобы на завтра отнести ихъ къ букинисту, но сколько я ни старался, а для продажи найти ничего не могъ,—все это были тебѣ засаленныя брошюры, неимѣющія никакой цѣнности на книжномъ рынкѣ, и потерявъ послѣднюю надежду раздобыться деньгами, я съ сердцемъ забросилъ ихъ въ уголъ комнаты и легъ спать...

Долго-ли спать я не знаю, меня разбудилъ шумный толчокъ въ спину; когда я продралъ глаза, то увидалъ, что передо мной стоялъ Ванька хромой, съ раскраснѣвшимся пьянымъ лицомъ и счастливой улыбкой, которая такъ и сіяла на его маленькомъ немногъ рябоватомъ лицѣ...

Увидя его такимъ сіяющимъ, я сперва подумалъ, ужъ не досталъ-ли онъ и въ самомъ дѣлѣ шапку-невидимку,—или кошелекъ самоотрясъ? Но вспомнивъ, что все это чепуха, я недоумѣвалъ относительно его радужнаго настроенія и сколько я не ломалъ голову, но придти къ какому-либо заключенію не могъ...

А онъ все стоялъ, растопыря руки и улыбался мнѣ прямо въ лицо.

— Что это ты такимъ именитникомъ выглядываешь, или взаправду кошелекъ-самоотрясъ нашелъ?—Спросилъ я его лоя, на своей постели...

— Нѣтъ, голубчикъ, ты мой! не самоотрясъ я нашелъ, а цѣлую пятерку!—еле переводя дыханіе, отъ наполнявшаго его счастья, выпалилъ онъ.

— Гдѣ, и какъ?—спросилъ я.

— А вотъ гдѣ! голубчикъ ты мой, въ старыхъ брюкахъ, тамъ я ее и нашелъ... Поезжай это меня, Никита Павловъ, въ чуланъ; сходи, говорить, Ванька, принеси мѣшокъ со старьемъ, надо его разобрать, да за работу приниматься... ну и его и принеси, надѣлъ фартукъ, перекрестился, и принялся за работу, вынулъ это я первымъ маневромъ брюки, большущія приболъшущія и сталъ ихъ опарывать, а самъ мерекаю сколько изъ нихъ туфлей можно скроить, а вшей на нихъ хоть лопатой сгребай, такъ и ползаютъ, ну хорошо-съ!.. распоролъ я сперва одну порчину, ничего нѣту... за другую принялся... Только я за карманъ-то взялся, чтобы ощупать его, хватъ оттуда золотой и выскочилъ, прямо мнѣ на колѣни, такъ я и привскочилъ отъ радости... схватилъ

и его, да и давай бегать изъ угла въ уголъ, а самъ причу благимъ матомъ, братины вы мои милые, поглядите-ка напелъ-то я что... Хозяинъ тоже обрадовался, молодецъ говоритъ Ванька, люблю тебя за ухватку... Чичась это мы бутылку водки, огурцовъ, а потомъ и другую на радостяхъ, ну насъ и заняла... А вечеромъ елку хозяйка хотѣла устроить, вотъ ужъ тогда и понемъ-и въ заплечіе своего разсказа, онъ звонко чавкнулъ губами, предвзвѣдая предстоящую селѣдку, винегрету и закатился жиденькимъ дребезжающимъ смѣхомъ. Разсказавъ это, Ванька выбѣжалъ изъ моей комнаты и схвативъ шапку, куда-то скрылся.

Когда я всталъ съ постели и вышелъ въ кухню, въ квартирѣ никого уже не было за исключеніемъ Чугунова, который остался сторожить квартиру до прихода хозяевъ, ушедшихъ за покупками, для предстоящей пирушки.

Мнѣ нужно было сходить къ одному изъ своихъ знакомыхъ, куда я тотчасъ-же и отправился. Пробывъ у него около двухъ часовъ, я снова возвратился къ себѣ на квартиру.

Лишь только я отворилъ дверь, мнѣ сразу бросилась въ глаза маленькая, стоявшая на верстахъ, елка, на сучьяхъ которой висѣло около двадцати штукъ полу-еотомъ назенной водки, а вмѣсто блестящихъ нобрякушекъ, были подвѣшены тонкіе ломтики вареной колбасы и нѣсколько штукъ соленыхъ огурцовъ, между которыми горѣло около десятка восковыхъ свѣчей... признаюсь! Я былъ удивленъ, и, остановившись въ кухнѣ, сталъ любоваться на невиданную мною доселѣ пирушку.

На верстахъ, около елки, на гравной оберточной бумагѣ лежали повидимому только что принесенныя горячія, еще испускающія изъ себя паръ, „мурловина“ (вареное легкое) огурцы и двѣ маленькія отвратительныя съ виду селѣдки, стояла бутылка водки, и нѣсколько бутылочекъ пива.

Вокругъ верстана на ламповыхъ низенькихъ кадочкахъ сидѣли всѣ обитатели нашей квартиры, между которыми находились въ качествѣ гостей, пользующіеся особымъ расположеніемъ Аксиньи, серебряникъ Андрей, толстотелый дѣтина лѣтъ 25-ти, высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія, яркій контрастъ по сравненію съ маленькимъ тѣлодушнымъ и болынымъ, сороча-пятигубнымъ мужемъ и симпатія Ваньки Хромого, прачна живущая въ смежной съ нами квартирѣ, — всегдашняя пьяная, имѣющая невыносимый характеръ и кѣкую дюжину любовниковъ, — Машка рябая.

— А! профессору старыхъ заплатъ, намъ почтеніе! — закричалъ Никита Павловъ, замѣтивъ меня, стоявшимъ въ кухнѣ, садясь съ нами. Гостемъ будешь, а вина купишь-хозяиномъ будешь, не побрезгуй нами дураками.

Запахъ горячей мурловины пріятно щекоталъ мнѣ въ носу и дразнилъ аппетитъ, а виски на сучьяхъ елки мерзавчики съ водкой, сулили временное забвеніе отъ тяжелой дѣйствительности, и я не заставилъ себя больше просить и сѣлъ съ ними.

Ты вотъ что, говорилъ Никита Павловъ, обращаясь ко мнѣ съ чайнымъ стаканомъ водки, ты сперва выпей намъ слѣдуетъ, да мурловинкой закуси, чтобы подъ ложечкой неосало, а то чай кипитъ кипитъ купишь кажетъ, тогда мы и пѣсню споемъ, сытому всегда веселѣй, чѣмъ голодному.

— Выпей, голубчикъ ты мой! — кричалъ Ванька хромой, пододвигая ко мнѣ горячую мурловину, добрые мы сегодня, потому я пятерку напелъ... Посматъ это меня Никита Павловъ въ чуланъ, сходи говорить Ванька принесемъ мѣшомъ со старьемъ, ну я и пошелъ. Пользуясь случаемъ онъ хотѣлъ разсказать лишній разъ о томъ, какъ онъ напелъ пятерку, которая все еще продолжала волновать его.

— Цыц! блока хромая, замолчи, и такъ это разъ разсказывалъ, съ сердцемъ крикнулъ на него Никита Павловъ.

Ванька сконфузился и замолчалъ, но не прошло и минутъ, какъ онъ наклонясь въ сторону Машки рябой, нешуточно сталъ продолжать свой разсказъ, которая

какъ-бы поощряя его, издавала пьяныя неопредѣленные звуки, и громко плакала.

Прошло около часу, съ тѣхъ поръ, какъ я возвратился къ себѣ на квартиру, пирушка приняла широкіе размѣры. Отъ найденныхъ пяти рублей не осталось ни гроша. Елка пустѣла. Украшающіе ее пузырьки съ водкой то и дѣло сплывали съ нея, и опорожненные прятались подъ верстакомъ и какъ-бы стыдясь своей пустоты ужъ больше не показывались на глаза участвующимъ на пирушкѣ.

Было шумно. Въ воздухѣ пахло грозой.

Зачѣмъ ты безумная губишь,
Того кто увлекся тобой,
Навѣрно меня ты не любишь,
Не любишь! такъ Богъ-же съ тобой.

Пьянымъ заплетающимся языкомъ выкрикивая слова пѣсни, Ванька хромой, глядя осовѣвшимъ плотояднымъ взглядомъ на Машку рябую, которая силилась встать со своего сидѣнья, но не могла.

Ахъ! ледъ трещать,
Сморочина вьется,
Когда мужа дома вѣтъ,
Дѣло обойдется.

Визжала Аксинья, подплевывая подъ слова пѣсни, злобно поглядывая на мужа.

Зная по опыту, что вечеръ безъ драмы не обойдется, и не желая лишній разъ быть свидѣтелемъ потасовки между супругами, я подъ благовиднымъ предлогомъ ушелъ изъ квартиры и пошелъ шататься по улицамъ Москвы.

Ночь была тихая, звѣздная, съ легкимъ морозцемъ. Праздничный разгулъ былъ въ полномъ разгарѣ. Москва веселилась. По обѣимъ сторонамъ улицы колышавшейся лентой, тянулись извозчики, развозя веселящихся москвичей. Мимо фонарей мелькали причудливой формы, дорого стоящія, дамскія шляпки, мужскіе собольи воротники и гордые лица ихъ обладателей. Въ голову тѣзли безпокойныя, бѣдныя мысли, вспоминалась далекая глухая деревня съ ея вѣчной нуждой, недоѣданіемъ и тяжелой работой... на душѣ становилось гадко.

Когда я возвратился къ себѣ на квартиру, шелъ уже двѣнадцатый часъ ночи. Елка въ квартирѣ уже не было: она была выброшена въ корридоръ, гдѣ и лежала робно прижавшись къ стѣнѣ, верстахъ за которымъ два часа тому назадъ происходила пирушка, былъ опрокинутъ, а полъ былъ залитъ кровью, на которомъ, свалившись въ кучу, спали участники пирушки. Никита Павловъ, Ванька Хромой и Машка рябая.

На утро слѣдующаго дня все помало не старому. Никита Павловъ ругался со своимъ женою. Чугуновъ старался примѣрить ихъ, а Ванька хромой опять валялся на печкѣ и продолжалъ мечтать вслухъ о шапкѣ-невидимкѣ и о кошелькѣ-самогрѣйкѣ, о вчерашней дракѣ никто и не вспоминалъ, не смотря на вѣхушкіе отъ удара носы и громадный фонарь надъ глазомъ Аксиньи.

Петръ Зайцевъ.

Своя логика.

Я къ кредиторамъ не привязанъ, —
И знаю логику свою.
Долги платить я не обязанъ, —
Вѣдь самъ-то въ долги я не даю.

М. Витаній.

Неподлинный посылный.

Т у ш а.

— Какъ... (не слышу) — Вамъ (что-то)
 — Передайте (онъ жестикулируетъ) (скажите)
 — Слушаю-съ!!!

Выбрала по себѣ.

Съ лица-то она казалась красивой!
 Малой, подумавши, парой!
 А оказалась: драва мерзавца!
 Пустой парманъ и ротъ съ дырой!
 А стоить-ся виду, какъ изрушка!
 Кабы, думавши, еще иррава,
 За те вѣкъ дѣлота-то изрушка!
 Про вѣкъ тебѣ а вѣрять.

М. Витаній.

Ванькинъ романъ

На шумѣхъ Душанъ...
 У охотника Ватана...
 Душанъ на Ватана...
 Ватана о Душанъ...
 Душанъ Ватана...
 Ватана Душанъ...
 Душанъ Ватана...
 Ватана Душанъ...
 Душанъ Ватана...
 Ватана Душанъ...

Петръ Зайцевъ.

Много мала, много бѣда,
 Не бѣда прѣблоска дѣла,
 Не бѣда уль усталъ,
 Глупая бѣда.
 Не прѣблоска дѣла...
 Не прѣблоска, не съ трудомъ,
 Не прѣблоска, не съ трудомъ,
 Не прѣблоска, не съ трудомъ.

Молодцы наши ребята.

Молодцы наши ребята!
 Не умѣютъ умирать,
 Не сробѣютъ за обѣдомъ,
 Ни тараче хлѣбать.
 В прѣдъ кащей не задремають,
 Не повѣсятъ головы,
 Только рожь покраснѣють,
 Да вѣнчать у скулы.
 Честь и слава вамъ за это
 Мой полонъ и исполать!
 Не уступите вы нѣмцу,
 Ни работать, ни похвать.
 Все вамъ русское по брюху,
 Все заморское намъ впрокъ,
 А ужъ спать, такъ всѣму свѣту
 Задайте вы урокъ!

Петръ Зайцевъ.

Врачу (эпиграма)

Онъ былъ при жизни благодѣтель,
 Умѣлъ больнымъ жалѣть
 И помогать имъ... (Богъ свидѣтель)
 Скорѣ умереть!..

Поэту (эпиграмма)

Хвалю и честь твою поэту!
 Твоемъ стихѣ редакторъ...
 И комментаторъ... не по въ поэту,
 Подъ столъ въ карману комментаторъ.
 М. Витаній.

Театралы.

— Какъ вамъ нравится г-жа Исполнителя, въ новой роли?

— Хороша. — Но я, хотѣлъ-бы видѣть ее въ болѣе откровенномъ костюмѣ.

Аккуратность.

Живя въ подвалахъ, да въ каморѣхъ
По волѣ неба и боговъ,
Привыкъ я къ запаху махори,
И къ лексикону грубыхъ словъ.

На все смотрю я хладнокровно,
Ни чѣмъ меня не удивишь,
Всегда въ карманѣ моемъ ровне,
А въ кошельѣ дырявомъ, шишъ!

Другой по дѣлу звѣремъ рыщетъ,
А я бездѣлю часто радъ,
Хотя въ карманѣ вѣтеръ свищетъ,
За то я опытомъ богатъ.

И врядъ-ли львицѣ полусвѣта
Меня придется обмануть.
Хотя-бъ на тысячу, за лѣто
Въ расходы легкіе втянуть.

Ласкай хоть вѣкъ, когда загрустну-
лось!

И даже буду очень радъ,
А какъ о деньгахъ загнулась,
Такъ поверачивай назадъ

Волынцевскій.

Афоризмы.

1. Вино лекарство. — «Выпить» можно, а «выпить» нельзя.

2. Навѣрующій въ Бога — опаснейше Свѣтъ свѣтъ.

3. Не завидуй слѣдъ мудрости, а познаннымъ твоимъ мудростію сколько тебя угорю.

4. Выходи самъ съ собой, но впрямую въ стѣну, что-бы не обмануть себя самообманчивостію.

5. Слова и намѣренія соблазнительны, а дѣла — отвѣтны.

М. Шмаковъ.

Говорить.

Говорить: не столько дѣлать,
Сколько разсуждать и думать.
Будте есть у насъ дѣла,
Что торгуетъ въ три расклада,
Иль на Пятидневномъ богатѣ,
Или гдѣ на Разгулѣ,
Можетъ быть и за Тверью,
Впрямую вѣдь не за свѣтъ.

Говорить, что смущаются
Не биваетъ смущаются,
Что секретно дѣлаются
Вечерами глумятся,
Что-бъ извѣстно былъ разсудокъ
На нормальномъ и календарѣ,
Впрямую вѣдь не за свѣтъ,
Говорить, бѣтъ можетъ, только.

Говорить у насъ въ каморѣхъ
Грязи стало очень мало,
Но найдены и тараканы
Въ хлѣбѣ, какъ это было.
О червяхъ такъ и говорятъ,
Между жителями вѣду,
Но вѣдь это говорить, иль
Самъ-же вѣдь не секрету.

Говорить, что и крохотны
Скоро всѣ подешевѣютъ,
Потому что добровольно
Очень многіе говѣютъ,
Что торговцы на базарахъ
Продавать товары честно, —
Это тоже только слухи,
А навѣрно неизвѣсто.

Говорить, что и въ деревнѣ
Мужики живутъ какъ барѣ:
Уплатили всѣ оброки
Хлѣба, — полные амбары,
Перестали нить свѣчку,
И не будутъ нить на Насѣхъ,
А читать будутъ журналы,
Только это вѣрно сказки.

Говорить, что какъ Дума,
Безъ скандала, безъ протеста,
Проведетъ теперь выборы
Всѣхъ серьезныхъ кандидатовъ,
Что реальна утилитарна
И союзники извѣстны,
Только это даже и не
Утверждать еще не смѣютъ.

Говорить.

Честный мошенникъ.

По извѣстнымъ временамъ, королю жилось вѣчно — сказалъ себѣ „Куланъ“ и отерпѣлъ шабашъ, безъ правъ и въ не законныя чины: узнавъ шкуру, установилъ на вѣрныя нѣмъ и торгуется „честно, безъ обмана“, и такъ онъ самъ ухаживаетъ за стокомъ.

М. Катантъ.

Историческіе костюмы.

Халатъ. — обыкновенный восточный общественно-мужской костюмъ. Издревле принятый и рѣдко смѣняемый; обязательный въ немъ чувствуютъ себя комфортно и спокойно, можетъ развалиться, вздремнуть и помечтать о быти общественномъ и собственномъ благополучіи.

Колпакъ — неизмѣнное украшеніе благодушныхъ и одурчиваемыхъ мужей, которыхъ водить за носъ желанъ, кому не лѣнь: подъ этимъ головнымъ уборомъ, премъ пустоты, у женатыхъ посетителей его часто скрывается еще и другое „украшеніе“.

Нафтавъ — купеческое одѣяніе, принаровленное для „выворачиванія“, которое начинается съ прижиманія къ „шкурѣ“ — выворачиваютъ тамъ шубу, и крокъ этой операціи иными-иными обыкновенно прикрываются. Вообще, нафтавъ въ русской коммерціи играетъ основную роль, какъ основатель многихъ купеческихъ богатствъ.

Тришиниъ нафтавъ, — въ которомъ почти во всѣхъ городахъ совершаютъ „самонаправленіе“, то есть — дѣлаютъ благоустройство, то положивъ записку на бѣлѣномъ дѣлѣ, то заказавъ санитарные подотопы и т. д., а нафтавъ тремитъ по нѣмъ.

Фракъ — съ белыми или факими, естественное одѣяніе ораторовъ, адвокатовъ и сѣтенихъ болтуновъ, чтобы имъ удобнѣе было придерживаться на факимъ во время увещанія.

Поддояна — историческій русскій костюмъ, въ которомъ не впускаютъ въ увеселительные сады подруги и внучки, но въ которомъ модные безнотристы свободно разгуливаютъ въ садахъ русской елочности.

Фиговый листокъ — самый древній костюмъ, принятый въ современныхъ нафешантахъ и дебрахъ для приваженія иностранныхъ ступалей и доморощенныхъ „дѣвъ“ изъ горничныхъ и прочая.

(Б.)

Изъ книжки смѣющагося Философа.

Кто считаетъ много денегъ, тому ставить камень на путь.

На вѣрности своей женщины десять мужчинъ строятъ свое счастье.

Боготъ духи часто дѣлаются лучшей свалой.

Многихъ командуютъ не потому, что они дѣлаютъ зло, а потому, что не дѣлаютъ добра.

„Бракъ по расчету“ обыкновенно заключается тогда, когда больше разсчитывать не на что.

Человѣку для жизни требуется немного денегъ и немного ума: когда онъ лишается одного, то остается ни у кого.

Смерть бывшій скажетъ тебѣ, отъ смерти, чѣмъ былъ живъ.

(Б.)

БРЫЗГИ.

Нищій. — Баринъ, подайте бѣдному на пропитаніе!

Баринъ. Сказалъ, что на сотку?!

Нищій. Никакъ нѣтъ, — на полубуты лян!

Купецъ торгующій хомутами, говоритъ молодому купцу, торгующему посудой.

— Готовитъ вы собираетесь жениться. Если не секретъ, въ вы намѣрены взять будущую невесту?

— Тамъ-же гдѣ и посуду-съ!

Короче стѣнчатъ тотъ

Семеновская улица.

Улица убогая,
И безобразная.
Вѣчно ты пьяная,
Вѣчно ты грязная...
Лавки съ чайнушками,
Осмотрѣ ловушками,
Люди бездомные —
Бредутъ съ носушками,
Славилась князствомъ ты,
Шумомъ дѣ криками,
Грѣшными бабами,
Бравами дѣлами,
Руготъ кибити, —
Дворы кочевники,
Всѣмъ вѣстятъ тамъ.
Люди бѣдные,
Вѣро горахъ,
Всѣмъ вѣстятъ тамъ,
Много я слышу тамъ,
Въ ушахъ кривляется.

Бесс Королевичъ.

Справочныя и полезныя свѣдѣнія.

Сохраненіе овощей.

Въ теплыхъ странахъ выкапывать самую глубокую и высокую часть огорода, гдѣ и выкапываютъ канаву изъ полъ-аршина глубины, 3—4 аршина ширины и 5—6 сажень длины. При сухой погодѣ, во все длину канавы, вышнюю въ 4—6 футовъ, сваливая глубин картофели и корневые овощи, которые оставляютъ въ ямѣ безъ прикрышки, чтобы вода изъ нихъ оттекала испарилась: если же погода не позволяетъ оставить овощи открытыми, то закрываютъ ихъ на 5—6 дюймовъ селенемъ. Спустя нѣсколько дней, гучу засыпаютъ землей на $1\frac{1}{2}$ фута и такимъ образомъ оставляютъ на зиму. По концамъ и въ срединѣ гучи, ставятъ соломенные снопы такъ, чтобы концы (основанія) сноповъ касались овощей, а вершины выдавались на полъ-аршина сверхъ земли, — что даетъ возможность накопляющейся испаряющей выходить наружу.

Сбереженіе овощей особенно удобно въ болѣе холодныхъ странахъ, но только при условіи хорошей вентиляціи помѣщенія.

Для храненія корневыхъ овощей, — моркови, рѣпы, брюквы, рѣдкы, петрушки и другихъ огородныхъ растений, а также для сбереженія капустъ устраиваютъ земляные лабазы, въ которыхъ овощи могутъ сохраняться даже при 25° мороза. Для этого выкапываютъ яму около $\frac{1}{4}$ арш. глубиной, шириной въ 2 саж. и длиной 5—10 саж. Надъ этой ямой устраиваютъ крышу изъ досокъ, которую прикрываютъ селеномъ, на которой потомъ насыпаютъ землю и обкладываютъ дерномъ, чтобы земля не осыпалась.

Корневые овощи насыпаютъ въ отъ подвала криз-матическою грядю, иногда переселенная досками; а другіе, какъ капусту, лукъ-порей и прот., обкладываютъ на жерди, прикрывающія ледъ крышею подвала; капусту же и соевые огурцы ставятъ въ рядъ изъ сторонъ лабазы. Для провѣтриванія лабазы, по концамъ его и въ срединѣ ставятъ трубы изъ 4—5 корковъ въ диаметрѣ и въ $1\frac{1}{2}$ аршина вышины; въ болѣе холода трубы эти закрываются, но только не разомъ, а постепенно. Если же холодъ увеличивается болѣе 15° Р., то на лабазъ набрасываютъ снѣгъ. Для входа въ лабазъ по обоимъ концамъ устраиваютъ двери, засыпанъ изъ тоже землею и снѣгомъ.

Надо вообще замѣтить, что овощи никогда не хранятъ въ свѣжестъ видѣ, если они сняты съ земли въ недозрѣломъ возрастѣ; это особенно замѣтно на огурцахъ; ихъ всегда снимаютъ задолго до полной зрѣлости, пока они еще зелены, иначе, пожелтѣвъ, они потеряютъ вкусъ. Снятые огурцы нельзя сохранять въ свѣжестъ видѣ мало-мальски долгое время. Они быстро вянутъ и даже загниваютъ. Это происходитъ отъ того, что работа вызрѣванія съмыка. Дозрѣваніе продолжается, когда огурецъ уже сорванъ съ плети, причемъ соки изъ тѣла продолжаютъ растекаться на дозрѣваніе съмыка; пока огурецъ сидитъ на плети, эта убыль соковъ постепенно пополняется притокомъ пищи изъ земли и воздуха; когда же огурецъ сорванъ, притокъ пищи прекращается и огурцу приходится дозрѣвать за счетъ своихъ соковъ. Севернее же такъ бываетъ, но въ менѣе рѣзкой формѣ и со временемъ крупнымъ плодомъ и овощью, когда ихъ отдѣляютъ отъ земли раньше достиженія полной зрѣлости.

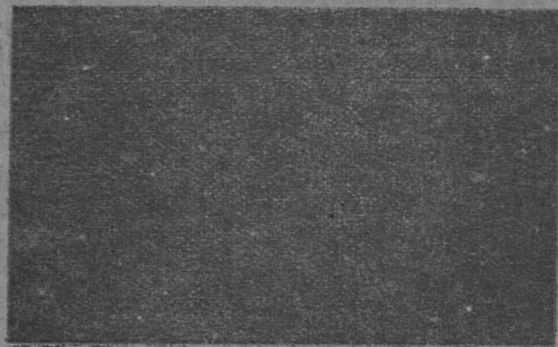
Само собою понятно, что и вполне дозрѣлый плодъ не можетъ сохранять свѣжестъ очень долгое время, но все же онъ загниваетъ гораздо позднее недозрѣлаго.

Сохраненіе въ свѣжестъ видѣ другихъ овощей въ значительной степени усложняется еще тѣмъ, что они растения двулѣтнія. Мы ихъ снимаемъ для своего употребленія на полдорогѣ роста и развитія. Ростъ въ нихъ еще не прекратился, а только замедлился съ наступле-

ніемъ зимнихъ холодовъ. Поэтому зимъ только растеніе находится въ тепломъ мѣстѣ, работа внутри его возобновляется. Оно продолжаетъ расти, прорастаетъ. Проростаніе же неминуемо истощаетъ растеніе, портитъ его вкусъ и другія качества, потому что оно совершается на счетъ тѣла растенія, измѣняя его внутреннее строеніе. Вотъ почему сохраненіе овощей, въ большинствѣ случаевъ, имѣетъ цѣлю уберечь ихъ возможно дольше отъ проростанія. На это и должно быть обращено особенное вниманіе хозяина.

Картофель и вообще клубневые овощи сохраняютъ въ ямахъ, устроенныхъ въ высокомъ и сухомъ мѣстѣ, на 2 или 3 аршина глубины; способъ этотъ имѣетъ значеніе въ томъ случаѣ, если грунтъ состоитъ изъ плотнаго суглинка; иначе онъ легко можетъ пострадать отъ застоя воды. Въ ямы кладутъ корневые овощи поодиноку, пересыпая пескомъ, а бока и дно ямы выстилаютъ соломой или досками, накрывая сверху брезентовымъ или соломой, а въ случаѣ сильныхъ холодовъ еще землей.

Вблизи столицъ, гдѣ свѣжіе овощи весьма цѣны, устраиваютъ ледники съ двойными стѣнами и двойною крышею. Промежутки между стѣнами набиваются сухой землею, отчего потолокъ и стѣны ледника постоянно сухи. Сверхъ земли устраивается деревянная или соломённая крыша. Убранную въ сентябрѣ капусту выносятъ ставить въ горинахъ на ледъ, гдѣ она и сохраняется въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Также можно сохранить салатъ, редисъ, артишоки и другіе овощи по мѣрѣ ихъ сниманія или срѣзыванія съ огородныхъ грядъ. Плоды же сахарнаго гороха срѣзываютъ осенью свѣжими, выбираютъ самые здоровые и не очень старые и укладывающія въ небольшие боченки вставляютъ въ ледъ, гдѣ и сберегаютъ до января мѣсяца. Закапываютъ въ ледъ также и боченки съ соевыми огурцами, отчего они могутъ долго сохраняться. Морозъ въ ледникѣ не проникаетъ, а ледъ поддерживаетъ постоянно одну и ту же равномерную температуру, что составляетъ важный и удобный условіе для сбереженія овощей зимой.

Отвѣты редакціи.

Воронежъ. Г. Выходило. Какъ можно лучше использовать?

Тверь. Г. Выходило. Какъ можно лучше использовать?

Москва. В. А. Выходило. Какъ можно лучше использовать? Принадлежитъ вамъ тѣмъ раньше, только въ болѣе лучшей обработкѣ.

Волоколамскъ, Моск. губ. В. М. Зайцеву. Какъ можно лучше использовать? Журналъ на первой страницѣ.

Торжокъ. Г. Мещеникову. Журналъ высылается почтой не менѣе 50 коп. Сидя—40%. Денегъ съдѣлать нельзя вконецъ. Можно въ издательство посылать.

Объявленія.

Открыта подписка
на 1911 годъ
и а

Литературный,
Сатирический и
Юмористический

ЕЖЕДЕЛЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КОЛОТУШКА“

Журналъ будетъ выходить по слѣдующей программѣ:

1) беллетристика, 2) статьи, 3) новости русской и иностранной жизни, 4) сатира и юморъ, 5) рисунки и карикатуры, 6) спортивные и полезные свѣдѣнія, 7) объявления.

Цѣль журналовъ: дать за небольшую плату интересное чтеніе, и массу покупателей свѣдѣть, каковыя радости въ жизни, такъ и въ извѣстности.

Подписка цѣна

съ пересылкою.

на 1 годъ—2 руб.

на 1/2 года—1 руб.

на 3 мѣсяца—80 коп.

Адресъ редакціи и конторы

г. Тверь, За Тверцюю, Сергіевская ул., домъ Никольской.

Редакторъ-издатель Н. Е. Зайцевъ.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

КНИГА

Петра Зайцева

Разказы и пѣсни.

Ивана БАБАНОВА.

Трехсвятская ул., д. Барановой.

Всѣ для весенняго сезона!

ШЕЛЫ, БУРЬЕ, РАСТУНИ, ПЕРЧАТКИ.

ВОШТЫ, БАЛКИ, ОБУВЬ

СОБСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ

ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ.

МАГАЗИНЪ

ТОРГОВАГО ДОМА

С. К. Безруковъ и В. Г. Потемкинъ

рядомъ съ Государственнымъ банкомъ.

МѢС, Завушки, Кофе, Конфекты.

Редакторъ-издатель Н. Е. Зайцевъ.

ВОДОЛѢЧЕБНИЦА д-ра Орфанова

Кузьмодѣльковская ул. д. № 24.

Лѣченіе болѣзней нервныхъ, внутреннихъ и женскихъ водой, электричествомъ, массажемъ и вѣнриканія „606“ по способу проф. Франка. Лѣченіе хроническихъ воспаленіями туберкулиномъ и аллопатическимъ, для лицъ маломужскихъ дѣлается уст.

Пріемъ отъ 10 час. до 2 ч. дня.

ДОКТОРЪ

**ЛЕОНИДЪ ЕГОРОВИЧЪ
Васильевскій**

Бывшій ординаторъ антропологической клиннки Н. П. Ботани: мочеиспускатель, венерическія внутреннія

Пріемъ болѣзней отъ 4 до 6 вечера.

Прогонная д. Широкой.

Ротный фельдшеръ

только вышедшій въ запасъ

ЖЕЛАЕТЪ ПОЛУЧИТЬ ДОЛЖНОСТЬ при фабрикѣ, аптекѣ, лечебницѣ, или что подобное.

Адресъ: Тверь, За Тверцюю Сергіевская ул.

Въ редакцію журнала „Колотушка“

ДЛЯ ФЕЛЬДШЕРА.

СНИМКИ

ПРИ ЭЛЕКТРИЧЕСКОМЪ ОСВѢЩЕНІИ,

не только не уступаютъ дневнымъ, но еще болѣе эффектны, потому что искусственное освѣщеніе хорошо устроено и примѣнено.

Въ фотографіи ОЗЕРОВА, бывшей Куликоваго.

Милліонная ул., противъ церкви Вознесенія

Такъ что теперь, желающимъ имѣть хорошую фотографію, имѣть надежности ждать хорошей погоды или тѣнѣ въ короткій день, такъ намъ фотографія отворѣтъ будни съ 9 ч. утра до 8 ч. вечера.

Колбасный и Гастрономическій магазинъ

АЛЕКСѢЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

КАФТАНОВА.

Тверь, Трехсвятская ул.

РЕКОМЕНДУЕТЪ:

Всѣмъ конченую, наилучшаго сорта. Всевозможные сорта вареныхъ и копченыхъ колбасъ, собственнаго приготвленія. Фаршированное пулярбы.

0 Сыры разныхъ сортовъ
0 Масло сливочное лучшее
0 Получены свѣжіе консервы
0 Паюсная и зернистая икра
0 Копченые сига, Дюссельская семга, Лосина, Саладинъ, Омары
и др. гастрономическіе товары.

Тверь. Типографія „Тверской Газеты“.